

УДК 94(47).084

doi 10.17072/2219-3111-2025-2-28-34

EDN: RZSCWY

ASJC 1202

ГРНТИ 03.19.00

Ссылка для цитирования: *Соловьев К. А.* Политический класс России начала XX века: механизмы интеграции // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 2(69). С. 28–34. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-2-28-34. EDN: RZSCWY

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ

К. А. Соловьев

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 109028, Россия, Москва,
Покровский б-р, 11
kirillsol22@yandex.ru
ResearcherID: AAU-7217-2021
Scopus: 55507485900
SPIN-код: 8425-3524

Статья посвящена рекрутированию местных элит в общероссийский политический класс в ходе избирательных кампаний в Государственную думу. Автор отмечает, что политические симпатии выборщиков имели явно выраженную региональную специфику. Соответственно, в значительной мере они были связаны с теми или иными местными интересами, лоббистскими группами. При этом из них же формировалось и работоспособное ядро Думы, вступившее в непосредственный диалог с правительством. В сущности, оно, как и высокопоставленное чиновничество, составляло неотъемлемую часть зарождавшегося политического класса. Автор подчеркивает социальную близость этих двух групп. Их объединял общий жизненный опыт и схожий горизонт ожиданий. Так или иначе они пытались решать общероссийские проблемы и представлять интересы отнюдь не только своих непосредственных избирателей. Кроме того, одновременно в каждой из фракций реализовывалось два проекта: партийный, предполагавший идею общенационального представительства, и корпоративный, подразумевавший необходимость говорить от имени непосредственных избирателей, своего сословия, профессионального объединения, губернии, конфессии и т.д. Депутаты осваивали оба этих языка, чем и были ценны для правительства. Это были не только законодатели, но и лоббисты цензовых кругов общественности. Во многом это определяло направление эволюции политической системы Российской империи накануне Первой мировой войны. Постепенно складывались горизонтальные сетевые связи, которые включали в себя не только членов Думы или правительственной администрации, но и представителей различных групп интересов, которые обрели инструментальной эффективной борьбы за свои права.

Ключевые слова: политический класс, Государственная дума, фракции Думы, избирательные кампании, лоббизм.

Политический режим 1906–1917 гг. можно оценивать по-разному. Однако не вызывает сомнения, что в эти годы заметно расширился круг лиц, который был так или иначе задействован в процессе принятия решений. Это не только министры, депутаты, члены Государственного совета, но и группы интересов, которые стояли за ними. При этом столь широкий круг в действительности не был уж так широк. Далеко не все народные избранники блистали красноречием на думской трибуне или же поражали широтой взглядов в ходе прений на заседании комиссий. Это был удел малочисленного меньшинства. На страницах газет мелькали имена в лучшем случае нескольких десятков депутатов. Причем подлинных героев думской истории было и того меньше. Собственно именно это работоспособное ядро Думы и составляло неотъемлемую часть становящегося политического класса России [*Николаев, Поливанов*, 1994, с. 57–66; *Кириянов*, 2006, с. 114; *Соловьев*, 2016, с. 126–136]. В значительной мере это были октябристы, обладавшие юридическим образованием, опытом работы на государственной службе и в орга-

нах местного самоуправления. По этим характеристикам они мало отличались от высшей бюрократии, с которой им предстояло работать. Политический класс складывался из людей социально близких, которым было не так трудно друг с другом договариваться.

При этом его представители говорили от имени не только столиц или Центральной России. Так или иначе был слышен голос разных регионов страны, но, правда, в разной степени [Соловьев, 2024, с. 60–65].

Правые скамьи Таврического дворца преимущественно занимали делегаты западных окраин. В ходе выборов в III Государственную думу только семь губерний Центральной России избрали правых депутатов. Чуть менее половины правых думцев представляли шесть западных губерний. Еще восемь правых были избраны в южных губерниях Российской империи (в Бессарабии, Области войска Донского, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской губерниях). Националисты и правые октябристы пользовались симпатиями избирателей девяти западных губерний. В итоге их делегаты составляли 43 % соответствующих фракций. Едва ли удивительно, что на западных окраинах империи были самые многочисленные отделения «Союза русского народа». Киев был своего рода столицей русского национализма. Именно там и располагался Всероссийский национальный клуб.

В III Думе правые голоса звучали громко, но октябристские – заметно громче. «Союз 17 октября» преимущественно полагался на Центральную Россию, которая давала приблизительно 60 % фракции. В Западном крае октябристы большой популярностью не пользовались: там было избрано лишь три члена «Союза 17 октября». Столько же было делегировано Астраханской губернией. Юг России избрал немало октябристов – около 30 % фракции. Еще семь членов «Союза 17 октября» представляли остзейские губернии.

В первую очередь октябристы делегировались Земской Россией – органами самоуправления. В них числилось около половины всех депутатов, а именно 229 человек из 485 (т.е. около 47 %). Это усредненные показатели, в некоторых случаях они были заметно выше. Среди прогрессистов земцев было 52 %, среди правых октябристов – около 55 %, три четверти октябристов, около 90 % независимых националистов [Демин, 2013, с. 163]. В IV Думе местное самоуправление было представлено еще лучше. 25 кадетов из 49 служили в земствах и городах (т.е. около половины), приблизительно то же можно сказать о половине правых или же около 60 % прогрессистов. Приблизительно тот же процент земцев был в русской национальной фракции и группе националистов-прогрессистов. Более 80 % депутатов фракции центра, около 90 % земцев-октябристов и свыше 90 % группы «Союза 17 октября» трудились в органах самоуправления [Там же, с. 164].

«Земское лицо» Государственной думы ни для кого не было секретом [Brainerd, 1979, р. 86–88]. Напротив, депутаты часто это подчеркивали и отказывались понимать, когда кто-либо корил их за прежнюю деятельность в органах самоуправления. Работа в земстве – это важный опыт большой каждодневной службы – в преддверии работы еще большего масштаба и большей ответственности, поскольку следует знать, как подступиться к закону, отдавая себе отчет, как он может отозваться на жизни обывателя [Ковалевский, 1912, с. 55–56]. И все же у земства была неоднозначная репутация. Кто-то из гласных без устали трудился в земских собраниях, а кто-то постоянно отсутствовал – и последних, разумеется, было существенно больше. Абсентеизм в органах местного самоуправления был неизлечимым недугом. В июне 1908 г. об этом писал даже октябрист Н. В. Савич, знакомый с деятельностью земства отнюдь не понаслышке. В его устах упоминание «земской природы» депутатской деятельности не звучало как комплимент (Представительные учреждения..., 2014, с. 108).

За время работы III Думы в правительственных кругах перестали доверять октябристам, в особенности левому крылу партии. Фигура А. И. Гучкова вызывала сильнейшее раздражение у императора и его ближайшего окружения. В ходе выборов в IV Думу правительство предпринимало экстраординарные усилия, чтобы сократить представительство «Союза 17 октября» в Таврическом дворце. Однако решить поставленную задачу можно было лишь частично. У Министерства внутренних дел не хватало инструментария для тотального контроля над выборами. Это объясняется многими причинами: электоральной процедурой, дефицитом информации о

выборщиках, слабостью губернской администрации, оппозиционными настроениями низших звеньев бюрократии. Однако в данном случае следовало выделить другое: специфика выборов той или иной губернии была столь очевидной, что ее невозможно было свести на нет решениями центральной власти. Так, во многих губерниях авторитет октябристов был непоколебим. Например, в Казанской губернии им удалось провести в выборщики даже лидеров левого крыла «Союза 17 октября» А. Н. Барятинского и И. В. Годнева (ГАРФ. Ф. 102. IV д-во. 1912. Д. 130. Ч. 24. Л. 20). Сам расклад в Воронежском губернском избирательном собрании был таков, что октябристам принадлежал «контрольный пакет». Правым приходилось за них голосовать, дабы не допустить победы кадетов (Там же. Л. 66). И это был отнюдь не только «воронежский случай». По сведениям кадета А. М. Колюбакина, подобным образом дело обстояло еще в 18 губерниях. Там «Союз 17 октября» не мог рассчитывать на бесспорное большинство и тем не менее гарантированно побеждал на выборах (Протоколы Центрального Комитета..., 1997, с. 81–82).

Во многих регионах империи устойчивыми симпатиями пользовались представители оппозиции. За них голосовали Центр России (в особенности столицы), Поволжье, Сибирь. 12 депутатов (около 10 % совокупной численности левых фракций) были делегированы югом России. Оппозиция практически безраздельно господствовала на выборах в Пермской, Уфимской, Оренбургской губерниях. Она могла положиться на эстонцев и латышей в остзейских губерниях, евреев западных окраин (Герасимов, 1913, с. 124). Левые кресла Таврического дворца занимали представители Закавказья, а также все депутаты Сибири (61 % составляли кадеты и прогрессисты, а 39 % социалисты). Привислинские губернии послали в Думу 14 депутатов, из них 11 состояли в Польском коло (Там же, с. 126).

Обычно партии знали своего избирателя. Кадеты могли надеяться на горожанина. Это доказывали результаты всех выборов в Думу и даже в Учредительное собрание [Соловьев, 2015, с. 179–187]. Менялся не избиратель, а избирательный закон. В крестьянской стране кадетам сложно было рассчитывать на поддержку большинства населения, зато они могли положиться на голоса значительной части городских обывателей. Цензовые ограничения, вызывавшие возмущение у конституционных демократов, в действительности были выгодны партии. Лишь непропорциональное представительство города обеспечивало кадетам заметный вес в Думе.

Довольно характерно распределение политических симпатий среди городского избирателя на 1906 г. (таблица) [Дан, 1910, с. 134].

Таблица

Политические предпочтения среди городского избирателя, 1906 г.

Регион	Правые, %	Кадеты и прогрессисты, %	Левые, %	Беспартийные, %
Север	26	60	13	1
Нечерноземье	32	57	11	—
Землевладельческий центр	22	65	9	4
Юг	6	62	28	4
Северо-Запад	16	51	31	2
Поволжье	13	35	52	—
Урал	8	40	52	—
Сибирь и Средняя Азия	7	15	75	3
Кавказ	3	13	77	7

Иными словами, в большинстве случаев кадеты довольно уверенно побеждали в городах на думских выборах. По крайней мере об этом можно говорить применительно к наиболее населенным регионам империи. Их позиции были слабее на окраинах: на Кавказе, в Сибири, в Средней Азии.

В некоторых губерниях имели место уникальные особенности, существенно влиявшие на исход выборов. Это порой так запутывало расклад сил, что результат избирательной кампании становился непредсказуемым. В Бессарабской губернии тон задавала партия Центра. За ней скрывалось семейство Крупенских, которое безраздельно доминировало в Бессарабии. Там, на западной окраине империи, оно практически всегда добивалось избрания или утверждения в должности своих ставленников. Формально партия Центра располагалась на правом фланге Думы. В действительности это утверждение, по крайней мере, не вполне корректно. К этой группе принадлежали лица разных взглядов, порой даже весьма либеральных. Их объединяла преданность патронам, которые маневрировали, договаривались с правительством, октябристскими лидерами (ГАРФ. Ф. 102. IV д-во. 1912. Д. 130. Ч. 7. Л. 1). «Центристы» часто голосовали вместе с думским центром. В «Союзе русского народа» к ним относились без всякой симпатии и прозвали «октябристскими подголосками» ([Куманин Л.К.], 1999, с. 11). Помимо всего прочего, эта неприязнь объяснялась ожесточенной конкуренцией в Бессарабии между Крупенскими и В. М. Пуришкевичем, которому приходилось рассчитывать на союз с «земской партией» (фактически молдавских националистов) (ГАРФ. Ф. 102. IV д-во. 1912. Д. 130. Ч. 7. Л. 1 об.). Этот конфликт не могли разрешить ни губернатор (Там же. Л. 3 об.), ни архиепископ Серафим, который, правда, не пользовался любовью местных священнослужителей (Там же. Л. 2).

Курская губерния представляла собой своеобразную вотчину Н. Е. Маркова, которого побаивался и сам губернатор даже тогда, когда им был решительный и своевольный Н. П. Муратов (1912–1915). По его меткому замечанию, курский «зубр» мог уверенно про себя говорить: «Губернское избирательное собрание – это я». Губернский предводитель В. Ф. Доррер, уездные предводители дворянства послушно плелись за лидером думских правых. И в земском собрании Маркову никто возразить не мог. Со временем он чувствовал себя все увереннее, похозяйски вмешивался в работу губернской канцелярии, зачастую определял кандидатуры будущих депутатов (РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 26. Л. 263 об.–264). В Смоленске же прислушивались к Сычевскому уездному предводителю Н. А. Хомякову [Шарапов, 2008, с. 620–622, 626–627]. В Волынской губернии многое зависело от архимандрита Почаевской лавры Виталия (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 557. Л. 141). Остзейские бароны вполне предсказуемо определяли исход голосования в Курляндской губернии. Они брали не численностью, а способностью мобилизовывать свои относительно скромные силы (ГАРФ. Ф. 102. IV д-во. 1912. Д. 130. Ч. 33. Л. 1). В Оренбургской губернии всем партиям приходилось так или иначе считаться с позицией мусульманского населения, которое чаще всего предпочитало голосовать за кадетов (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 54. Л. 18). Немецкие колонисты Херсонской губернии, как, впрочем, и везде, преимущественно голосовали за октябристов (Съезды и конференции..., 2000, с. 390). В Одессе же кадеты были вправе рассчитывать на победу по 2-й городской курии в силу симпатий еврейского избирателя (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 54. Л. 9). Купцы А. И. Соколов и В. М. Сурожников во многом определяли исход выборов в Самарской губернии. Они рассчитывали видеть в Думе кадетов и прогрессистов, а не влиятельных в Поволжье октябристов (Представительные учреждения..., 2014, с. 267–268). Их союзником или даже «попутчиком» был местный губернатор, который в меру своих сил боролся с «Союзом 17 октября», тем самым (невольнo, конечно) оказывая поддержку его «соседям слева» (РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 11. Л. 7).

Так или иначе в Думе отстаивались региональные, национальные, конфессиональные интересы. В начале 1909 г. конституционные демократы проводили совещания с московской еврейской общиной, обсуждая перспективы законотворческой деятельности фракции (Письмо Н.Н. Щепкина П.Н. Милюкову. 17.01.1909). Весной 1911 г. руководство «Союза 17 октября» консультировалось с немецкими колонистами относительно проекта об ограничении прав их соплеменников на территории правобережной Украины (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 873. Л. 4 об.–5). Приблизительно через год, в феврале 1912 г., уже прогрессисты вели переговоры с немецкой столичной общиной, которая традиционно включалась в электоральную базу октябристов (Представительные учреждения..., 2014, с. 222–223). В ноябре 1913 г. конституционные демократы и прогрессисты провели совещание с представителями армянской общественности. Обсуждались трагические события в Османской империи (геноцид армян) и отношение России к

ним (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4262. Л. 5). В 1913 г. в повестке дня стоял холмский вопрос. В его решении фракция националистов тесно сотрудничала с Советом братства местной епархии, во главе которой стоял депутат III Думы епископ Евлогий (Представительные учреждения..., 2014, с. 339). Таких примеров можно приводить довольно много.

В Государственной думе уживалось два альтернативных проекта: партийный и корпоративный. В той или иной пропорции они присутствовали во всех фракциях. Партийное начало подразумевало политическую консолидацию, амбицию говорить от имени всех, «сословное», корпоративное представительство – организационное «рассыпание», надежду защитить своих.

Корпоративный проект доминировал. При таких обстоятельствах фракционные «хлысты», назначенные следить за парламентской дисциплиной, в сущности, были бесполезны. Работали иные механизмы координации депутатских усилий, а на практике – самоорганизации. Во-первых, этому способствовала общность социального опыта ключевых (и довольно немногочисленных) участников законотворческого процесса [Соловьев, 2016, с. 126–136]. Во-вторых, их путь в Думу не предусматривал партийного догматизма. Им было сравнительно нетрудно договариваться друг с другом. Кроме того, очень часто члены разных объединений представляли одну и ту же корпорацию (например, земцев). Они с легкостью преодолевали фракционные барьеры. Это позволяло формировать большинство не вокруг институционализированных центров, а вокруг интересов, чем занимались и сами депутаты, и фракционные лидеры, и представители президиума Думы, и члены правительства. Такое большинство не могло быть стабильным. Оно складывалось ситуативно, от случая к случаю. Однако в итоге возникали привычки, более и менее устойчивые думские алгоритмы законотворчества. Из этого, собственно, и «ткалась» депутатская сетевая организация, обеспечивавшая координацию усилий народных избранников. Хотя бы в силу этой причины региональные группы относительно легко интегрировались в нарождавшийся политический класс.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-18-00520, <https://rscf.ru/project/23-18-00520>.

Список источников

- Герасимов П. Личный состав Государственной думы // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., 1913. С. 118–131.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. IV д-во. 1912. Д. 130. Ч. 7; Д. 130. Ч. 24; Д. 130. Ч. 33; Д. 130. Ч. 42; Оп. 265. Д. 557. Л. 141; Ф. 115. Оп. 1. Д. 54; Ф. 555. Оп. 1. Д. 873; Ф. 579. Оп. 1. Д. 4262.
- [Куманин Л.К.] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 3–28.
- Письмо Н.Н. Щепкина П.Н. Милюкову. 17.01.1909 // Bakhmeteff archive (BAR). Miliukov coll. Box. 2. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции / сост., автор коммент. и предисл. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2014. 718 с.
- Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: в 6 т. Т. 2. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. / сост., автор предисл. и коммент. Д.Б. Павлов. М.: РОССПЭН, 1997. 520 с.
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1208. Оп. 1. Д. 26.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.
- Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: в 3 т. Т. 2. 1908–1914 гг. / сост., автор предисл. и примеч. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2000. 655 с.
- Шарапов С.Ф. «Мартикулированные» октябристы, или как я не попал в Государственную думу. Моя кандидатура в Думу. С чем и зачем я туда шел? // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи: воспоминания современников. Материалы и документы. М., 2008. С. 612–628.

Библиографический список

- Дан Ф. Очерки политической эволюции буржуазных элементов городского населения // Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. СПб., 1910. Т. 2, ч. 2. С. 101–145.
- Демин В.А. Государственная дума и местное самоуправление // Таврические чтения – 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 145–152. EDN: TQXUCJ.
- Кириянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. 368 с. ISBN: 5-93683-106-X. EDN: QPJCFR.
- Ковалевский Е.П. Народное образование и церковное достояние в III Государственной думе. Речи, доклады и статьи Е.П. Ковалевского. СПб., 1912. Ч. 1. 355 с.
- Николаев А.Б., Поливанов О.А. Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 57–66. EDN: SCHANJ.
- Соловьев К.А. Избирательные кампании кадетов и их адресат (1906–1912) // Вестник Перм. ун-та. История. 2015. № 3 (30). С. 179–187. EDN: UMZEUX.
- Соловьев К.А. Парламент империи или парламент против империи // Новое литературное обозрение. 2024. № 188. С. 60–65.
- Соловьев К.А. Работоспособное ядро Третьей Государственной думы: численность и состав // Таврические чтения – 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г. / под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 126–136. EDN: YPCQVY.
- Brainerd M.C. The Octobrists and the Gentry, 1905–1907: Leaders and Followers? // The Politics of Rural Russia, 1905–1914 / ed. by L. Haimson. Bloomington; L., 1979. P. 67–93.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.01.2025

RUSSIAN POLITICAL CLASS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: MECHANISMS OF INTEGRATION

K. A. Solovyov

European University at St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6/1, lit. A, St. Petersburg, 191187, Russia
National Research University Higher School of Economics, Pokrovsky blvd. 11, Moscow, 109028, Russia
kirillsol22@yandex.ru
ResearcherID: AAU-7217-2021
Scopus: 55507485900
SPIN-код: 8425-3524

The article is devoted to the recruitment of local elites into the all-Russian political class during election campaigns to the State Duma. The author notes that the political sympathies of the electors had a strong regional specificity rooting in various local interests and lobbying groups. At the same time, they also formed a workable core of the Duma, which entered into direct dialogue with the government. Like high-ranking officials they became an integral part of Russia's emerging political class. The author emphasizes the social closeness of these two groups. They were united by common life experience and a similar horizon of expectations. In one way or another, they tried to solve all-Russian problems and represent the interests of not only their immediate voter. Besides two projects were simultaneously implemented in each of the factions: a party one, which suggested the idea of national representation, and a corporate one, which implied the need to speak on behalf of direct voters, one's class, professional association, province, denomination, etc. The deputies mastered both of these languages, which was valuable for the government. They were not only legislators, but also lobbyists for prosperous segments of the population. In many ways, this determined the direction of the evolution of the political system of the Russian Empire on the eve of World War I. Gradually, horizontal network connections were formed, which included not only members of the Duma or government administration, but also representatives of various interest groups, equipping the latter with tools to effectively advocate for their rights.

Key words: political class, State Duma, Duma factions, election campaigns, lobbying.

Acknowledgments

¹ The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00520, <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>.

References

- Brainerd, M. C. (1979). The Octobrists and the gentry, 1905-1907: Leaders and followers? In L. Haimson (Ed.), *The politics of rural Russia, 1905-1914* (pp. 67-93). Indiana University Press.
- Dan, F. (1910). Essays on the political evolution of the bourgeois elements of the urban population. In L. Martov, P. Maslov, & A. Potresov (Eds.), *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka* [Public movement in Russia at the beginning of the 20th century] (Vol. 2, Pt. 2, pp. 101-145). Sankt-Peterburg.
- Demin, V. A. (2013). The State Duma and local self-government. In A. B. Nikolaev (Ed.), *Tavrisheskie chteniya 2012: Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v nachale XX veka* [Tavrisheskie Readings 2012: Current problems of parliamentarism history in early 20th century] (pp. 145-152). ElekSis.
- Kiryanov, I. K. (2006). *Rossiyskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostanstve* [Russian parliamentarians of the early twentieth century: New politicians in a new political space]. Perm.
- Kovalevsky, E. P. (1912). *Narodnoe obrazovanie i tserkovnoe dostoyanie v III Gosudarstvennoy dume: Rechi, doklady i stat'i* [Public education and Church property in the III State Duma: Speeches, reports and articles] (Pt. 1). Sankt-Peterburg.
- Nikolaev, A. B., & Polivanov, O. A. (1994). The parliamentary elite of Russia in 1912-1917. *Iz glubiny vremen*, 3, 57-66.
- Solovyov, K. A. (2015). Election campaigns of the Cadets and their addressee (1906-1912). *Perm University Herald. History*, 3(30), 179-187.
- Solovyov, K. A. (2024). Parliament of the Empire or Parliament against the Empire. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 188, 60-65.
- Solovyov, K. A. (2016). The working core of the Third State Duma: Size and members. In A. B. Nikolaev (Ed.), *Tavrisheskie chteniya 2015: Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v nachale XX veka* [Tavrisheskie Readings 2015: Current problems of parliamentarism history in early 20th century] (pp. 126-136). ElekSis.